

КАРПОВИЧ Д. Н. (подполковник милиции в отставке), с 2009 г. — частный детектив.  
Член Ассоциации Российских Детективов. Автор 9 книг, в том числе практического  
руководства по работе в частном сыске в России

ИСТОРИИ ОТ СЫЩИКА

Дмитрий  
КАРПОВИЧ

**БЕЗ ДНА: ОЖАВНЬИЙ**

**не спустишься —**  
СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ **не узнаешь...**

18+

Дмитрий Карпович  
**БЕЗДНА: ОКАЯННЫЙ**

«Автор»

2026

**Карпович Д.**

БЕЗДНА: ОКАЯННЫЙ / Д. Карпович — «Автор», 2026

В этом произведении, основанном на реальных событиях и преступлениях, мы заглянем во тьму человеческими глазами убийцы и самоубийцы, дабы постараться увидеть или может даже понять, что чувствует человек одержимый бездной.

© Карпович Д., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

БЕЗДНА: ОКАЯННЫЙ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

# БЕЗДНА: ОКАЯННЫЙ

## БЕЗДНА: ОКАЯННЫЙ

### Повесть

#### ВВЕДЕНИЕ

*«Если долго вглядываться в бездну,  
то бездна заглянет тебе в глаза»*

*Ф. Ницше*

Фраза Фридриха Ницше, вырванная мною из контекста его книги «По ту сторону добра и зла» означает, что глубокое погружение в тёмные стороны жизни меняет самого наблюдателя...

*Это описание особого состояния сознания, в котором мы погружаемся в исследовании самых тёмных и сложных аспектов человека и его внутреннего мира, состояния, в котором человек проецирует на бездну свои собственные тёмные стороны, свои страхи, свои комплексы, свои подавленные желания. В бездне человек видит отражение своей тени и начинает воспринимать мир как враждебный и опасный.*

В этом произведении, основанном на реальных событиях и преступлениях, мы не будем долго вглядываться в бездну.

Мы всего лишь чуть-чуть заглянем вглубь «тьмы» человеческими глазами убийцы и самоубийцы, дабы постараться увидеть, или, может даже — понять, что чувствует одержимый тьмой человек в нашем брэнном мире и немедленно вернемся обратно, дабы не разрушить тонкую грань между любопытством, познанием и саморазрушением. Что бы не остаться там, как главный герой этой повести, заглянувший в наш мир «оттуда» и вернувшийся «туда», подспудно совершив за свой короткой жизненный путь ряд тяжких злодеяний и смертных грехов, как по отношению к окружающим его самым близким людям, так и по отношению к самому себе.

Кто уже испугался — может дальше не читать.

Кто не оробел сразу — пойдём, спустимся в самый тёмный, глубокий и сырой погреб «заземелья» — поглядим, поглазеём, понаблюдаем, что же там происходит.

Хотя, почему же погреб сырой? Вроде бы, там должно быть очень даже жарко и страшно... Однако не спустишься — не узнаешь.

#### ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту историю поведал мне мой бывший коллега Николай Васильевич Бусов, прослуживший долгие годы участковым инспектором милиции на станции Мочище близ города Новосибирска, где он проживает и благоденствует по сей день, находясь на заслуженной пенсии.

Большая часть событий, связанных с повествованием, проходило именно здесь в пригородном поселке, вблизи с железнодорожной станцией.

Мочище — странненькое название для населенного пункта и, тем не менее, прилипшее сразу к трем участкам земли вблизи сибирского мегаполиса. В нескольких километрах друг от друга расположились село Мочище, карьер Мочище и железнодорожная станция с одноимённым названием.

Свое «мокрое» название Мочище получило не от обилия дождей и воды или нахождения близ крупнейшей реки Сибири — Оби. В лесу недалеко от села есть озеро, в нем предки наши пару сотен лет назад мочили лён и коноплю, отбеливали холсты. Вот отсюда и пошло название — «Мочище», которое было основано аж в 1720 году.

Трудолюбивые и талантливые люди жили в нём: коноплю мочили, дерюжки и верёвки плели, корзины мастерили, бочки, ягоды лесные собирали, дуги гнули, пимы катали, скот держали, хлеба сеяли. Кое-кто занимался и разбойным промыслом: грабили купцов и своих же сельских, ехавших с базара. Самым опасным местом был густой осинник (за теперешним Заельцовским кладбищем).

По иронии судьбы Николай Васильевич был не только непосредственным участником описываемых в повести событий и связанных с ними людьми, в том числе и с главным персонажем этой книги, как участковый инспектор милиции, обслуживающий данный населённый пункт, но и, находясь с ним в близких, дружеских отношениях.

Кроме того, именно Николай мог стать первой жертвой одурманенного бездной человека, своего друга — Евсюкова Сергея Андреевича, 1963 года рождения. Именно Николаю удалось первым увидеть его глаза, опьянённые тьмой.

Описываемый в повести период времени занимает почти тридцать лет, начиная с 1975 года прошлого века, и заканчиваясь первыми годами наступившего нового тысячелетия.

Повесть основана на реальных событиях, некоторые детали выдуманы автором в драматических целях и не имеют отношения к действительности.

Большая часть тех людей, которые оказались в поле зрения автора произведения, уже мертвы и, тем не менее, данные персонажей в книге будут изменены, за исключением имени Николая Васильевича Бусова, поведавшего мне эту трагическую историю.

## Глава 1

*«Имеющий Сына Божия имеет жизнь;  
не имеющий Сына Божия не имеет жизни».*  
*1-е послание Иоанна, 5:12*

Серёжка стоял на коленях перед иконой и плакал.

В свои двенадцать лет отроду он больше всего в жизни ненавидел мать, заставляющую его зубрить молитвы и несколько раз в день молиться перед иконами и, как ему самому тогда казалось, больше матери он ненавидел эти непонятные рисунки с загадочными людьми, в странных одеждах, с крыльями за спиной или кругами над головами, намазанными на старообрядческих досках.

Мать Сергея — Анна Ивановна Евсюкова, набожная женщина худенького телосложения и маленького росточка, с симпатичным лицом хоть и серого цвета, огрубевшими от времени и воды руками, седыми волосами, постоянно заколотыми в конский хвост на затылке и спрятанными под платок, одна воспитывала троих сыновей после смерти мужа. Она искренне верила, что всё что ни должно произойти с людьми в этой жизни, уже предрешиено свыше. Каждому уготована его роль в этом мире и на всё есть воля Божия.

Все что она старалась привить своим детям — так это любовь к Богу, не понимая, или не осознавая, что своими подзатыльниками и приказами твердить молитвы, преклонять колени перед иконами, она лишь укрепляла в них ненависть к ней самой и её религии, безразличие к жизни и потребительское отношение к окружающим их людям, и ко всему вокруг.

Старший сын — Анатолий, выросший ещё при живом муже-атеисте, в Бога не веровал, был комсомольцем и на материнские упреки о неверии отвечал всегда шутками.

Он просто обнимал мать и шептал ей:

— Мам, ну какой Бог, 20-й век заканчивается, коммунизм скоро будет построен, а ты все со своими иконами носишься. Угомонись уже и не забивай мозги ни мне, ни братьям.

После смерти мужа и ухода из дома повзрослевшего старшего сына, вся «любовь» матери, все её, неуслышанные старшими мужчинами семейства слова и мысли о «великом и вечном» сконцентрировались на двух младших детях.

Когда своенравные пацаны, пошедшие своей упёртостью в отцовскую породу, не желали её слушаться и подчиняться, учить молитвы, соблюдать посты, чтить церковные обычаи, она в бессилии хлестала их наотмашь по лицам своими огрубевшими от деревенской жизни ладонями, раздавала подзатыльники, так же, как иная мать, больше любящая своих детей, нежели Бога, награждает свои чада ласковыми словами или осторожными и нежными поглаживаниями их волос.

К своим двенадцати годам отроду Серёжка точно осознал для себя самого, что никакого Бога не существует, а мать с её придурью — просто сумасшедшая.

Однако иного существования для себя, кроме как в лоне оставшейся семьи с мамашей и младшим братом Сашкой — он не видел, да и не мог понимать, хотя подспудно в его детском мозгу уже зарождалась идея бунта, противостояния, противопоставления себя самого своему же житью-бытью рядом с матерью.

Мать же хлестала его по лицу, заставляла учить христианские псалмы, молиться вместе с ней и младшим братом. В противном случае — просто не давала ему хоть какой-либо еды, наказывая, причём обоих братьев скопом.

Семья Евсюковых проживала в частном доме близ железнодорожной станции. Анна Ивановна работала уборщицей на пригородном вокзале. Денег в семье катастрофически не хватало...

~ ~ ~ ~ ~

Серёжка стоял на коленях и плакал.

Ему не понятны были эти старославянские слова, складывающиеся в фразы, и обращения с именами, которых он никогда раньше не слышал, которые так сложно было запоминать и повторять.

Он плакал и не столько молился, сколько думал о том, что не хочет больше жить с матерью. Ему казалось, что хуже жить просто невозможно.

Мальчишка часто вспоминал весёлого отца, постоянно пьяненького и сумасбродного, шумного и компанейского, драчуна и балагура, не вовремя ушедшего насовсем и из семьи, и из этой жизни, оставившего их на попечение «повёрнутой» на религии матери.

— Может лучше быть одному и скитаться, чем вымаливать у матери каждый кусок хлеба, — мысли бродили в голове мальчишки, как дрожжи в банке с брагой. Слёзы медленно катились по его лицу.

Распирающее голову чувство ненависти вдруг как бы исподтишка, как бы нечаянно, как будто из самого нутра, из самого центра его мозга словно начало нашептывать ему односложные и недвусмысленные слова:

— Беги, беги, беги, беги...

Серёжка сначала даже испугался.

Что это, кто с ним говорит его же языком, его же голосом?

Он вздрогнул, встал с колен, и ещё раз прислушался, и даже огляделся.

Тишина комнаты была гробовой.

Мать запирала двери всегда, когда заставляла его учить молитвы или молиться.

Не услышав больше ни единого слова, он повторил вслух:

— Беги, беги, беги... — как будто проверяя — его ли это был голос, только что прозвучавший в голове.

Голос был его, а эти слова, вырвавшиеся теперь уже из его уст, как будто придали ему силы, уверенности и отчаяния.

Он тихо поднялся с колен, прошёл в сени, обулся и молча направился в сторону станции.

Вокзал он знал, как двор своего частного дома. Сотни раз он бывал здесь и с отцом (которого уже постепенно начинал забывать его детский мозг), работающим до самой смерти на станции монтером путей, и с матерью.

С местными пацанами, такими же детьми железнодорожников или просто живущих в домах по соседству с вокзалом, они облазили здесь каждый сантиметр.

Иногда из кустов, прилегающих к веткам путей, они просто наблюдали за стремительно пронесшимися составами скорых поездов, не останавливающихся на их небольшенькой станции. Иногда они подкладывали гвозди на рельсы, дожидались, когда поезд пройдет и расплющит металл гвоздя, превращая его в некое подобие ножичка.

Иногда, самые отъявленные и старшие по возрасту пацаны запрыгивали на автосцепку между вагонами медленно катящихся по путям товарных составов, и ехали на них несколько десятков метров.

Ему здесь всё было родное, даже домашнее.

Серёжка зашёл на станцию, прошел вдоль путей, дождался, когда проводница, запустившая пассажиров в один из вагонов пассажирского поезда, следующего в восточном направлении, отвлечётся и запрыгнул в вагон.

Он не знал, куда поезд направляется, ему без разницы было куда ехать. Просто он подчинился новому и необычному ощущению, неведомо откуда появившемуся в его голове и приказавшему ему бежать...

Обнаружили его и сняли с поезда, передав прибывшему наряду транспортной милиции только через несколько часов и уже в соседней, Кемеровской области, на станции Тайга.

Первые сутки то ли от шока совершённого проступка, то ли от испуга быть наказанным, он отказывался говорить и назвать своё имя и фамилию.

Его поместили в детский приемник-распределитель на соседней и более крупной станции Анжеро-Судженска, где он и пробыл ещё двое суток, пока за незадачливым беглецом не прибыла мать со своими и его документами, подписала все официальные бумаги в милиции, выслушала нравоучения от местных милиционеров о необходимости контроля за несовершеннолетними детьми, и забрала его.

Назад они ехали молча, на двух электричках, с пересадками.

За всё время пути мать задала лишь один вопрос:

— Голодный?

— Угу, — ответил Серёжка и опустил голову.

На пригородном вокзале станции Болотное, совершая пересадку на местную электричку, Анна Ивановна купила батон белого душистого хлеба с хрустящей корочкой светло-коричневого цвета и бутылку молока. Молча протянула их сыну и отвернулась, чтобы не видеть, с какой жадностью тот рвёт хлеб на части, набивает крупными кусками свой рот, давясь и проглатывая их целиком, захлебывая молоком из стеклянной бутылки.

Прибыв домой, мать заперла Серёжку в комнате, и пошла к соседям забирать оставленного там младшего сына Сашку.

Вернувшись, она, как запрограммированная одной проблемой, задала младшему сыну такой же вопрос, как и три часа назад Серёжке:

— Голодный?

— Нет, — ответил насупившийся семилетний мальчишка.

— Тогда всем спать, — тихо и смиренно произнесла уставшая женщина, не желавшая больше ни о чем ни думать, ни говорить.

На Серёжку она в этот вечер больше внимания не обратила...

~ ~ ~ ~ ~

Следующее утро теплого летнего дня запомнилось и Анне Ивановне, и Серёжке на всю их оставшуюся жизнь. Оно изменило существование поредевшей семьи Евсюковых раз и навсегда и даже больше, чем смерть главы семейства.

Месяцем ранее, в самом начале лета, Серёжка смастерил из отломанных веток от куста, разросшегося во дворе их дома клёна лук и стрелы. На конец стрел изолентой он примотал гвозди таким образом, чтобы при стрельбе из лука стрелы впивались своим острием в мишень или дерево, ну, или в стены их старенького деревянного дома.

Он периодически выходил во двор и тренировался в стрельбе из лука. Однако в это утро, проснувшись в своей комнате вместе с Сашкой и попытавшись выйти во двор, оба обнаружили, что заперты матерью в доме снаружи.

Рано утром, уходя на работу, на станцию мыть полы, мать приготовила им завтрак и заперла обоих на большой навесной замок со стороны двора.

Женщина так и не решилась вечером поговорить с сыном о его поступке, узнать мотивы, причины побега, услышать его оправдания или даже просто его голос.

Она откладывала «на потом» серьёзный разговор с Сергеем, захотев сначала пообщаться со священником из своего прихода, посоветоваться, как лучше вести себя с сыном, какие струны его подрастающей души затронуть, так, чтобы настроить их на нужный лад, придать его взрослому натуре нот из православных песнопений.

А пока она решила просто и, как обычно, наказать сразу обоих за проступок одного и лишить их прогулок, безответственного болтания по поселку, купания на озере в жаркую летнюю пору, что для настоящего деревенского пацана является даже важнее еды.

Вернувшись ещё до обеда домой, женщина застыла в испуге на самом пороге. Её иступленный крик отчаяния слышали даже соседи...

Позавтракав наспех и скидав посуду в рукомойник, оказавшиеся запертыми дома пацаны занялись, кто на что был горазд.

Младший, Сашка вытащил из-под своей кровати коробку со старенькими игрушками, доставшимися ему по наследству от двух старших братьев в изрядно покaleченном и сильно изношенном состоянии, вывалил их на пол комнаты, начав «жужжать» деревянным трактором без двух передних колёс по половым доскам с облупившейся от времени краской, имитируя усердную работу полуразрушенного механизма.

Серёжка сначала просто сидел за кухонным столом, подперев руками подбородок и лупил глазами в стекло окна кухни, вглядываясь в видимую часть двора с нависшими над ставнями ветками клёна.

Затем он вспомнил про свой лук, сделанный из ветки этого дерева, и достал его из кладовой комнаты, расположенной в сенях дома.

Самодельная мишень, для стрельбы из лука, смастерённая им из куска фанеры, как назло, осталась на улице, возле дерева, где он её расстреливал с усердием несколько дней назад, да так и забыл прибрать. А руки пацана просто чесались взять «инструмент».

Раскрыв двери из сеней в основную часть дома нараспашку, Серёжка прикидывал, куда бы лучше запустить стрелу.

Он зашел в дом с луком наперевес, прошелся по крохотной столовой, всей заставленной старой кухонной утварью, по детской комнате, где находился Сашка, бороздящий сломанным трактором не паханные поля старых половиц. Зашёл в комнату родителей.

Его ничего не устраивало в качестве мишени.

Однако в комнате матери он уставился на галерею икон в старых деревянных оправах, так ненавистных ему, аккуратно висящих в верхнем правом углу комнаты и отдельно стоящих на тёмном трюмо прямо в центре помещения.

Ядовитая ухмылка напозла зловещей тенью на лицо мальчишки. Его левая сторона физиономии исказилась, как будто лицевой нерв жил своей особой жизнью от остальной части нервной системы пацана.

С той же левой стороны головы, где-то изнутри её самой, и прямо над ухом он снова услышал тот же собственный голос, только отдающий нотками скрежета металла по стеклу:

— Бога нет... Бога не-е-еет, Бога не-е-еееет!

По его телу пробежала дрожь. Но это была не рябь испуга, не чувство всё заполняющей организм человека тревоги. Это было возбуждение — неистовое восприятие новой силы и новой правды, доселе ему неведомой, прозвучавшей внутри его головы и вызвав эмоцию всего тела.

Серёжка снял самую крупную и самую старую икону со стены, поставил её на табурет в родительской комнате, отошел в сени, нараспашку открыв двери дома, повернулся лицом к «образу» и натянул тетиву лука.

— Бога нет, — вслух произнёс он и выпустил стрелу.

Гвоздь, надетый на острие самодельной стрелы, по самую изоленту, сантиметров на пять вошел в старое тело иконы, заставив её подпрыгнуть и свалиться на пол.

— Бога нет! — торжественно повторил всё тот же голос внутри его головы прямо над левым ухом.

Еле слышный шепот:

— Бог есть, — тихо и смиренно прошелестевший в его же голове, как осенний листопад в безветренную погоду, Серёжка уже не услышал из-за исступлённого крика матери, в этот момент вошедшей в двери дома.

Глаза Анны были выпучены. Крик, сорвавшийся с её губ, повис эхом по всей округе.

Она упала на колени прямо в сенях дома рядом с сыном, и с наполненными слезами глазами, заголосила неестественным для неё голосом:

— Не надо, Серёженька... Сынок, не делай этого.

Обезумевшие глаза матери встряхнули парня изнутри похлеще его нового «друга», появившегося в его голове.

Он упал на колени рядом с мамой и обнял её.

Оба плакали... Но каждый рыдал о своём.

Она от осознания потери ребёнка, сына, души человека.

Он от страха. Он просто плакал от страха и переполнивших его за последнюю неделю эмоций, потрясений, открытий и поступков, о которых он еще месяц назад боялся бы подумать.

Сверху на них свалился прибежавший к ним от обезумевшего крика матери Сашка, и также принялся рыдать, глядя на членов своей семьи и не понимая происходящего...

В последующий месяц мать как будто подменили. Она стала ещё более замкнутой и молчаливой, однако пацанов больше не трогала, в свою комнату к молитвам их больше не запускала.

И если младший — Сашка, ещё пару недель пристраивался к ней на коленях при чтении молитв, то вот Сергей больше ни единожды не произнёс «слова Божия».

— На всё воля Господа нашего, — твердила женщина постоянно про себя, не престаивая молиться.

К подступающей осени 1975 года Анна Ивановна оформила причитающиеся ей льготы, которым государство обеспечивало семьи малоимущих граждан, находящихся в сложных жизненных ситуациях, в том числе и по причине отсутствия одного из родителей и перевела обоих сыновей из средней общеобразовательной школы № 218 в школу-интернат железнодорожников, находящуюся в этом же посёлке, неподалеку от их дома.

Круглосуточное, пятидневное нахождение в интернате, обучение с подготовкой домашних заданий, четырёхразовое питание, медицинское обслуживание, бесплатная школьная

форма, свободное времяпрепровождение с такими же детьми железнодорожников уже знакомых Серёжке и Сашке — «зашли пацанам за шкуру» с первых же дней их обучения.

Дома они появлялись лишь на два выходных дня, да и то, только чтобы переночевать и пожевать мамкиных блинов да похлебать домашних щей.

Интернат, улица, вокзал — стали их настоящим домом.

От пережитого шока при виде всегда строгой матери, стоящей перед ним на коленях и умоляющей сына не стрелять в иконы — Серёжка долгое время не прислушивался к голосу, периодически появляющемуся у него в голове и нашептывающему какие-то однотипные фразы. А еще через год он напрочь забыл о нём, живя своей деревенской, пацаньей жизнью, болтаясь по станции с такими же сорванцами, летом купаясь в озерах и речке Пашенке, обворовывая сады дачников, а остальное время проводя в школе-интернате...

## Глава 2

*«Окружающие не только избавляют от недостатков,  
но и наделяют ими».*

*Христианское высказывание*

Многое произошло в жизни деревенского пацана – повзрослевшего парня, отслужившего в рядах советской армии мужчины, за десять последующих лет, прежде чем он снова стал «рабом лампы», прежде чем он снова выпустил джина наружу из своего нутра, отдав ему на откуп всего себя, всё свое тело, всю свою душу.

Почти десять лет Серёжка не вспоминал ни о том голосе, ни о том состоянии, с которым он успел познакомиться и в которое он погрузился, убегая из дома и стреляя по материнским иконам летом 1975 года, когда 8 марта 1985 года, находясь в гостях у семьи своего друга — Николая Бусова, совместно с ними празднуя ставший любимым и всенародным международный женский день, вновь его мозг наполнила та неутолимая злость, а душу окутало, заволокло едкое и ядовитое облако ненависти по отношению к своему близкому товарищу, которого он не жалея, осознанно решил зарезать прямо на глазах его беременной жены, втыкая ему нож под самое сердце...

Однако, вернёмся к событиям 8 марта 1985 года, страниц эдак через несколько, в следующей главе и посмотрим в глаза «Окаянного» глазами его друга, стоящего напротив него с колотой раной под самым сердцем и не узнающего в нём того самого Серёгу, с которым их свела судьба первого сентября 1978 года, с которым они провели пять отчаянных лет своей жизни. Пока же окунёмся в водоворот подросткового бытия пригородных пацанов конца прошлого столетия...

~ ~ ~ ~ ~

После окончания восьмилетки в школе интернате станции Мочище, выбора особого у Серёжки не было — ГПТУ № 61 или ГПТУ № 10.

Шестьдесят первая «шарага», где в основном обучали на сварщиков и токарей, была самая близкая территориально к станции Мочище, от которой мимо училища ходил рейсовый автобус и добраться до неё можно было всего лишь минут за двадцать. Либо пару остановок на электричке до станции Иня – Восточная и там уже пешочком также минут двадцать ходу.

Десятое училище находилось дальше, в самом сердце города, готовило железнодорожников-слесарей по ремонту электровозов, электриков, помощников машинистов.

Добраться до училища нужно было на электропоезде до конечной станции — железнодорожного вокзала Новосибирск-Главный, рядом с которым, буквально в двухстах метрах, и находилось учебное заведение.

При выборе будущей профессии для Серёжки Евсюкова сложились сразу три равнозначные и убедительные причины сдать документы именно в ГПТУ № 10: во-первых, он ещё пом-

нил и любил своего отца, всю сознательную жизнь проработавшего на железнодорожной станции; во-вторых, сам Мочищенский вокзал и прилегающие к нему пути, платформы, переходы, механизированные и грузовые дворы и участки стали пацану как будто вторым домом, в котором он проводил времени больше точно, чем в родных стенах материнской лачуги, а ещё его единственный на тот период закадычный друг и одноклассник по школе интернату — Вадик Сибдаминов собирался стать помощником машиниста, а в будущем и самим машинистом железнодорожного транспорта — профессия, которая пользовалась спросом, почетом и уважением среди населения конца прошлого века с достойным заработком с выделением общежития для молодых специалистов и обеспечением в последующие годы полноценным жильём.

К тому же в училище для студентов было бесплатное форменное обмундирование-униформа, такая же, как у настоящих машинистов поездов и проводников пассажирских вагонов — брюки и пиджак тёмно-серого цвета, чёрные ботинки и серая рубашка, фуражка с такой «красивенной» кокардой, а в зимний период — драповое пальто, тёплые ботинки и шапка-ушанка.

А ещё бесплатный проезд на всех видах железнодорожного транспорта ну и одноразовое питание — обед в ведомственной столовке по талонам эпохи построения социализма в отдельно взятой стране.

В общем, рассказы Вадика о перспективах учёбы в десятой шараге и последующей работе машинистом с проживанием в общаге почти в центре города — дискотеках, девчонках, самостоятельной и уже взрослой жизни — убедили Серёжку лучше, чем кто или что-либо.

Вадик был его настоящим дружбаном, начиная с двенадцатилетнего возраста, когда Серёжка и очутился в школе-интернате.

Сибдаминов жил в бараке железнодорожников, близ вокзала вместе со своей матерью — мелкой, неухоженной женщиной непонятного возраста — местной пьянчугой. Про своего отца он никогда никому не рассказывал, и никто из его окружения ничего о нём толком не знал, но глядя на его мать, всем окружающим было понятно, что лицом и телосложением парень пошёл в батю.

Вадик был крупным для своего возраста, физически крепким и развитым, в отличие от своих сверстников, в том числе и малюсенького Серёжки.

Уже в пятнадцать лет Вадик шатался по местным дискотекам, заигрывал с девчонками, пристрастился к алкоголю.

Мелкий Серёжка был при великане Вадике, как теннисный мячик при ракетке. Таскался за ним, как ниточка за иглолкой. Вадик же никогда не обижал малахольного дружка, привыкнув к нему, как к родному младшему брату, которого у него никогда не было.

Первого сентября 1978 года оба стояли на площадке возле училища вместе с парой сотен таких же пятнадцатилетних пацанов, вновь зачисленных студентов ГПТУ. Настроение у всех было приподнятое. В организованной толпе молоденьких железнодорожников, выстроенной уже опытными старшекурсниками в две шеренги буквой «П» вдоль входа в главный корпус училища, чувствовалось, осязалось возбуждение. В воздухе открыто витало ощущение праздника. Многие были одеты в белые рубахи и вперемешку с тёмными брюками напоминали организованное стадо зебр.

— Смотри Серёга, — обратился Вадим к другу.

— Видишь того лопухого, — он показал пальцем в сторону худенького патлатого паренька с вьющимися как у настоящего египтянина волосами и крупным носом, стоящего в первом ряду с левой стороны от них.

— Ага. И чё?

— Этот пацан наш, мочищенский. Я точно знаю, он где-то в двухэтажках живёт, за сельпо. Надо будет подойти, познакомиться. Всё равно вместе ездить будем на электричках из дома на учёбу и обратно.

— Ну ладно, — ответил Евсюков...

Еще через тридцать минут после радужного и пафосного приветствия руководства училища в адрес молодых железнодорожников, чьими усилиями наша могучая держава обязательно должна была проложить свой путь по рельсам и шпалам к счастливому и светлому будущему и ворваться в эпоху всеобщего коммунизма на планете, оба пацана подошли к патлатому мальчишке.

— Привет, — обратился к нему всегда шустрый и нахальный Вадик. — Ты же из Мочище?

— Привет, — парень широко улыбнулся и протянул руку обоим парням.

— Да. Николай, — представился он.

— Земляк! – откликнулся Сергей и пожал руку Николаю. — Мы тоже мочищенские. А почему я тебя там раньше не видел?

— Да я всего год живу на станции. Мы до этого с семьёй жили в селе Мочище. А тут отцу квартиру дали. Ну, мы и переехали. Отец у меня тоже железнодорожник.

— Ну и отлично, – встрял в разговор Вадим. – Втроём веселее будет добираться туда и обратно с учёбы.

— Замётано! — улыбнулся Николай.

— А вы в общаге не хотите поселиться? — спросил он у своих новых знакомых, так внезапно появившихся перед ним и, как оказалось позже, не зря ворвавшихся в его обновлённое и уже студенческое житие.

— Тут в общежитии можно жить также втроём в комнате и кататься никуда не нужно будет.

— Да мы только «за», — ответил за обоих Вадик.

— А форму, когда нам выдадут, не знаешь? — спросил его Серёжка.

— Да разберёмся. Голыми точно не оставят.

Все трое рассмеялись и пошли в аудитории училища...

Общага училища, располагалась за паутиной железнодорожных путей, на улице Владимирской в скромном местечке под немудрёным названием Нахаловка.

Микрорайон возник в начале двадцатого века между железнодорожными путями и рекой Обь и был хаотично застроен частным сектором, в котором селились приехавшие сюда в поисках работы на железной дороге. В скором времени здесь стали появляться различные «притоны» и «малины», место становилось криминальным. Нахаловка являла собой странную смесь из черт суеты индустриального города и уклада сельской, патриархальной жизни, которую перенесли сюда переселенцы из сёл и деревень.

Жители Нахаловки работали на железной дороге и расположенных поблизости нефтебазе, масло- и спиртзаводах. Население трущоб держало в хозяйстве птиц, коров, свиней, которых кормили отходами спиртзавода.

Так продолжалось почти сто лет вплоть до наступления нового тысячелетия.

Именно в таком месте и располагалась общага десятой шараги железнодорожников.

Поначалу весёлая мочищенская тройца с огромным оптимизмом встретила новость о заселении их в одну комнату и даже успела обмыть украденной Вадиком у матери бутылкой самогонки своё новоселье. Однако похмелье наступило достаточно быстро, когда в один из праздных вечеров в общаге появились местные «блатари».

Трое ещё молодых, но не раз уже отсидевших урок зашли в общежитие с пустой трёхлитровой банкой в руках. Все были изрядно пьяны.

Самый маленький и борзый из них, по кличке «Шатун», подошёл к столу дежурного по общежитию, поставил банку на стол и кивнул головой остальным урмам.

Те, беспрекословно подчинившись его невербальному приказу, начали заходить в комнаты первого этажа и выгонять первокурсников в коридор.

Когда толпа испуганных подростков собралась в коридоре — Шатун произнёс:

— Слушать меня сюда внимательно, шныри — мы сейчас выйдем «курабахнем» на крылечко, а вы тем временем «капусты настрогаете» в кубышку. Если я вернусь, а тут будет пусто или мало, то Слон и Мося вам всю требуху вывернут наизнанку... усекли?

Шатун говорил тихо, уверенно, чуть вытянув голову вперёд и наклонив её в правую сторону.

За его плечами возвышались два амбала со странными кличками — Слон и Мося, которые при упоминании их «погонял» заулыбались во весь рот жёлтыми, прокуренными зубами.

Слон достал из кармана нож-выкидуху и молча провёл им по своему горлу, имитируя порез.

— Часики тикают, — вставил своё слово Мося писклявым голосом, резко диссонировавшим с его крупной фигурой, и вся троица вышла на крыльцо общежития.

Испуганные пацаны переглянулись между собой, и все вместе, как будто сговорившись, изумлённо посмотрели на стоящего в стороне дежурного по общаге старшекурсника, словно спрашивая его разрешения, и не увидев в его лице какой-либо подмоги или даже уверенности, а лишь страх и сочувствие — молча потянулись по своим комнатам, выгребая из карманов и сумок закладки с ассигнациями в виде рублёвых бумажек и мелких монет достоинством от пяти до двадцати копеек.

— И часто такое бывает здесь? — спросил Вадик у старшекурсника, дежурившего «на тумбочке».

— Ну, часто не часто, но бывает, что заходят, — со вздохом ответил старшекурсник. — В основном молодежь и щиплют. Могут ещё и на улице подкараулить или на ж/д путях поймать.

— А если их отмудохать? Нас-то больше, — не унимался недовольный складывающейся ситуацией первокурсник.

— Тогда вся Нахаловка поднимется, — ответил дежурный. — Так уже было, два года назад, они на ножи всю общагу подняли, и даже милиция не помогла. Отхерачили всех и даже преподавателям, кто тут живёт, и администрации досталось. Поэтому терпим. Этот — Шатун, вообще безбашенный. Ему лет тридцать, а он уже сидел три раза, начиная с малолетки. А эти две гориллы постоянно с ним трутся.

Вернувшись, троица блатных забрала кубышку с данью, прошвырнулась по комнатам пацанов, выгребла их шмотки и забрала с собой кое-какие припасы, привезённые деревенскими пацанами из дома — то были найденный шмат солёного сала, банка квашенной капусты и пара консервов.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.